

ИНТЕРЕС К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЭМАХ С. ЕСЕНИНА «АННА СНЕГИНА» И Э. БАГРИЦКОГО «ДУМА ПРО ОПАНАСА»

Рубцова Е.В.

ГБОУ ВПО «Курский государственный медицинский университет Минздрава России», Курск, Россия (305041, г. Курск, ул. Карла Маркса, 3), e-mail: rubcova2@mail.ru

В статье рассматриваются поэмы С. Есенина «Анна Снегина» и Э. Багрицкого «Дума про Опанаса», в которых, несмотря на давление новой «социальной архитектуры», главной целью художника слова остается человек как таковой, с его тайными и безграничными возможностями, тот, которого нельзя свести только к бытовому, общественному или политическому статусу, ограничить интересами или пристрастиями текущего дня. История собственно человека значительнее и перспективнее истории крестьянства, помещиков, социальных идей и т. д. Предметом обращения поэтов становится отдельная человеческая судьба. В зависимости от того, насколько она благополучна, состоялась или не состоялась, трагически завершилась или продолжается, складывается более общее представление о времени, в котором первостепенными становятся традиционные ценности: дом, семья, природа, земля, любовь, давние заповеди и главная из них – «не убий...», и насколько они сохраняют для героя свой смысл и авторитет.

Ключевые слова: Есенин, Багрицкий, поэма, «Анна Снегина», «Дума про Опанаса», анализ.

THE INTEREST TO THE HUMAN PERSONALITY IN THE POEMS "ANNA SNEGINA" BY S. ESEENIN AND "THOUGHT ABOUT OPANAS" BY E. BAGRITSKY

Rubtsova E.V.

Kursk Stat Medical University, Kursk, Russia (305041, Kursk, Karl Marx str., 3), e-mail: rubcova2@mail.ru

The article discusses the poems "Anna Snegina" by S. Esenin and "Thought about Opanas" by E. Bagritsky. Despite the pressure of a new "social architecture", the main goal of the literary master is to show a human's personality with his secret unlimited possibilities, the one that cannot belong only to the domestic, social or political status, the one that is not interested only in the current day. The history of the man's individuality is much greater and more promising than the history of peasantry, landowning, social ideas, etc. Poets are becoming more interested in showing an individual human destiny. Depending on how successful and prosperous it is, if it is tragically ended or is still going on, the reader gets a more general idea of the epoch with its supreme traditional values: home, family, nature, earth, love, old commandments and the main of them "do not kill...", and to what extent they preserve their significance and force to the character.

Keywords: Esenin, Bagritsky, analysis, poem, «Anna Snegina», «Thought about Opanas», analysis.

Большинство современников С. Есенина и Э. Багрицкого (да и критиков последующих десятилетий) сходилось на том, что поэма является определенным итогом творчества отдельного автора и поэтического развития в целом. Соглашаясь с такой точкой зрения, отметим, что к поэме у каждого поэта свой путь. Для Э. Багрицкого – поэма оказалась жанром, единственно способным воплотить итоги раздумий поэта о времени, его представления об облике эпохи: поэтической мысли при этом тесно в рамках жанра стихотворения, да и поэмы уже начинают объединяться в более сложное явление – в цикл произведений. Обращение к поэмам С. Есенина «Анна Снегина» (1925) и Э. Багрицкого «Дума про Опанаса» (1926) вызвано тем, что, будучи значительным явлением в отечественной литературе XX века, в литературной критике они долгое время были представлены достаточно скромно или даже противоречиво. Нередко «мерой отсчета»

«Анны Снегиной» исследователи брали достижения Маяковского в области того же лирического эпоса и с этой же высоты делали выводы об отсутствии в ней связей между лирической и эпической темой. Е. Наумов, например, считает: «В поэме “Хорошо!” Маяковский нашел такое внутреннее соотношение в “лироэпической” композиции, при котором эпическое повествование, составляющее основу всей поэмы, целиком содержит в себе лирическую тему... По-иному строится лироэпическая поэма Есенина. В ней эпическая и лирическая темы развиваются рядом. Расстояние между ними незначительно, но они лишь временами приходят в непосредственное соприкосновение» [7; 200]. Фактически той же точки зрения придерживается Ф. Пицкель. Не удивительно, что столь категорическое суждение авторитетных исследователей об отсутствии художественной целостности сказалось на последующем изучении поэмы. В монографической главе академического издания, посвященной С. Есенину, о поэме сказано одной фразой: «Еще в драматической поэме “Пугачев” (1921) он показывает социально-психологическую несостоятельность крестьянской замкнутости, окончившуюся трагедией восстания, а в поэме «Анна Снегина» (1925) воссоздает живую картину революции в деревне, победа которой обеспечена движением крестьянской мечты с ленинской» [4; 403].

В последнее время ситуация меняется: наряду с тем, что многие критики сравнивают поэму с романом в стихах и проводят параллель с «Евгением Онегиным» А.С. Пушкина (Прокушев Ю., Мекш Э.Б., Шубникова-Гусева Н.И., другие), называя «Анну Снегину» поэмой-романом с его многоголосием и многосторонностью изображения жизни, отмечают одну из важных особенностей поэмы – в ней «дается великий нравственный урок уважения к каждому человеку» [9;6]. Современный обзор критической литературы об «Анне Снегиной» подробно представлен в учебном пособии Л.П. Егоровой, П.К. Чекалова. Справедливым представляется суждение о том, что «в основу поэмы легли события пред- и послереволюционной России, что придавало произведению эпический размах, а рассказ о взаимоотношениях лирического героя с "девушкой в белой накидке" придает поэме проникновенный лиризм. Эти два взаимопроникающих начала становятся определяющими в сюжете поэмы, сообразно сказываясь в стиле и интонации произведения».

«Дума про Опанаса» многие годы рассматривалась с точки зрения противостояния врагов (Опанас – Коган), суда над убийцей Опанасом и героизации Когана. Правда, наметились новые, более плодотворные тенденции: в поэме обнаруживается «атмосфера трагического динамизма» [4; 225], включающая в себя и судьбу заглавного героя.

Обращаясь к поэмам «Анна Снегина» и «Дума про Опанаса», необходимо отметить, прежде всего, особую лирико-драматическую атмосферу обеих поэм, а в ней – доверительную авторскую интонацию. Доверительность еще не свидетельство прямого

сочувствия герою (героям), происходящему, но важное условие достоверности лирического голоса самого автора. Предметом его размышлений становится отдельная человеческая судьба. В зависимости от того, насколько она благополучна, состоялась или не состоялась, трагически завершилась или продолжается, складывается более общее представление о времени, такой же мерой отсчета становятся традиционные ценности: дом, семья, природа, земля, любовь, давние заповеди и главная из них – «не убий...», то, насколько они сохраняют для героя свой смысл и авторитет. С этих позиций возможно даже расширение круга лиро-эпического жанра 20-х годов, включив в него «Поэму горы» и «Поэму конца» (1924) М. Цветаевой, поэмы Б. Пастернака («Лейтенант Шмидт», 1926–1927), Н. Асеева («Семен Проскаков», 1927–1928). Очевидно, сюда нельзя включить лирический эпос А. Блока или В. Маяковского по той причине, что мерой отсчета, целью, объектом художественного воплощения становятся век, время, эпоха с неперменной константой – их революционной определяющей. Отметим, что ситуация «человек перед лицом века» больше идеологического, чем психологического характера: только удел избранных, героев может соответствовать статусу такой величины. Однако в поэме 20-х годов (не только Есенина и Багрицкого, перечисленных тоже) сохраняется традиционная, по крайней мере, для русской литературы XIX века, коллизия – «человек и обстоятельства», в которой составляющие ее «равноответственны» друг перед другом. Логично, что остается и основной нравственный принцип – мера доверия к человеку равна мере его ответственности, – что распространяется на взаимоотношения героев и отношение к ним самого автора. Такая смысловая доминанта лежит в основе союза-вражды личных и общественных интересов, лирического и эпического содержания.

Революционная современность серьезно нарушила и до того непростые взаимоотношения человека и социума не в пользу первого. По этому поводу О. Мандельштам в 1923 году писал: «Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабами человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает свое величие его уничтожением и ничтожеством» [6; 205]. Полтора годами раньше Мандельштама Есенин с болью говорил о подобном строительстве, в котором человек не будет или не сможет жить. «Мне очень грустно сейчас, но история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без слова и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит *тогда* эти покрытые уже плесенью мосты,

но всегда бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают» [3; Т.5, 88].

Состояние «мира» Есенин измерял состоянием «дома», крепость «социальной архитектуры» – самочувствием человека. Причем не избранного, не равновеликого эпохе, а каждого, индивидуального. В «Анне Снегиной» поэт изображает множество человеческих судеб. Поэт выставляет на читательское обозрение целую галерею национальных характеров (словоохотливый возница, добродушный мельник, его ворчливая жена, крестьянин-большевик Прон Оглоблин и его брат Лабутя и т.д.), при описании которых читатель наслаждается не только высоким изобразительным мастерством поэта, но и видит его принципиальную позицию относительно любой человеческой личности, которая, прежде всего, выражается в его самобытности и незаменимости.

Судьбы многих «свидетелей» войн, революций, социальных переделов или неустроенны, или драматичны, или откровенно трагичны. Одной из представительниц русской эмиграции становится Анна Снегина. Для Есенина важно передать отношение к своей героине, к ее судьбе. Заключение в ее образе содержание по своему характеру человечно и вызывает у читателя ответные эмоции. Анна озаряет все происходящее благородным чувством доброты и милосердия. Из рассказа об Анне или из ее монолога для читателей предстает неповторимый, особый мир героини, облекаемый в лирическую ауру, в которой органически соединились щемящие душу авторские воспоминания о шестнадцатилетней «девушке в белой накидке», и вечные ценности: семья, традиции, любовь, природа, и даже образ революции, напоминающий «пожар на снегу». Но при этом нельзя не заметить, что Есенин усложняет этот образ, который ощутим в авторской позиции. И здесь не столь важны события, происходящие в поместье после революции, когда Прон Оглоблин поднимает бунт: «Эй, вы! / Тараканье отродье! Все к Снегиной!.. / Р-раз и квас! / Даешь, мол, твои угодыя / Без всякого выкупа с нас!» [3; Т.3, 289]. Важно другое, автор показывает нам, как меняется отношение героя к Анне – от лирического, душевного, вызывающее трепетное волнение при мысли о встрече, до досады и раздражения от того, что говорит теперь герою нынешняя Анна, вызывая внутреннее неприятие. Автору-повествователю хочется воскликнуть: «Довольно! / Найдемте другой язык!» [3; Т.3, 287].

Несмотря на былые воспоминания, герой-повествователь прекрасно понимает, что прошлое вернуть невозможно: изменился окружающий мир, изменился и он сам. Анна замужем и, безусловно, это уже не та женщина, которую любил поэт в шестнадцать лет. Автор замечает перемены в Анне, новые приметы лица героини – «чувственный и скривленный рот». Не без иронии Есенин передает далеко не возвышенные мысли героя-повествователя, возникающие сразу же после слов Анны и слов мельника о ней: «Теперь бы

с красивой солдаткой / Завесь хорошо роман» [3; Т.3, 282].

В жизненных коллизиях автора-повествователя находим этому объяснение. Происходящие стремительные события в стране и в судьбах людей ломают представления героев, сложившиеся в юности, постепенно утрачиваются былые идеалы и высокие несбыточные мечты. Герой-повествователь постепенно приобретает новый жизненный опыт. Он по-особому пережил империалистическую войну, бросил винтовку и «решил в стихах воевать» – поэту хочется отдохнуть, пообщаться с природой, вспомнить юность и остаться в стороне от назревающих грозных событий. Но они сами, непрошено, врываются в его жизнь. Он близко к сердцу принял то, что происходило в деревне, ему под силу объяснить сельчанам «...кто такое Ленин?» и т. д. Таким образом, Есенин изображает столкновение двух художественных миров: одного, воплощенного в образе Анны, достаточно традиционного, несколько суженного личными интересами и другого опыта – автора-повествователя, расширенного общественно-политическими пристрастиями. Но подобные изменения в лирической теме Есенина не означали «торжества надвигающейся социальной архитектуры» [6; 206] над человеком. Он, даже находясь под давлением этой новой «социальной архитектуры», сохраняя некую иронию, все же остается «в центре в лирическом смысле» (Гегель). Анна – заглавный герой поэмы. С ее интересами пересекаются интересы основных персонажей поэмы. Автор утверждает мысль, что юность и всё, что связано с ней, прекрасно и ценно само по себе. Поэт осознаёт, что утраты неизбежны, но надеется, что им на смену придёт что-то новое, лучшее. Письмо Снегиной из Лондона снова напоминает автору о «вечных ценностях», о его юности, вызывая мысли о любви к родине и людям как свидетельство не растраченного нравственного авторитета героини. Таким образом, интерес к человеку, личности Есенин не утратил даже в условиях огромного откровенного культа общественных форм бытия и общественного сознания.

Подобный гуманистический ориентир обнаруживает также «Дума про Опанаса» Эдуарда Багрицкого. Может быть, только ситуация в ней более заострена, краски сгущены, драматизм усилен и оказался на грани трагедии. Анна не была в столь кризисной ситуации, как «крестьянский сын» Опанас. Имеем в виду даже не тот момент, когда он сознательно, без давления подписывает себе смертный приговор («неожиданное» его признание «штабному» – «Этой самою рукою / Когана убило!..» [1; 96]. Истинной катастрофой для него стало то, что он расстрелял человека. Цена случившегося крайне высока и предполагает больше, чем predetermined физическую гибель Опанаса, опасность – разрушение его личности. Признаки возможной драмы налицо, даже во внешнем портрете. «Мужицкий сын», хлебобоб начинает напоминать героя разбойной ватаги: «Опанас глядит картиной / В папахе косматой / Шуба с мертвого раввина / Под Гомелем снята. / Шуба – платье меховое –/

Распахнута – жарко! / Френч английского покроя / Добыт за Вапняркой. / На руке с нагайкой крепкой / Жеребьячье мыло; / Револьвер висит на цепке / От паникадила»[1; 85].

Кажущееся приближение к цели оказывается мнимым и призрачным, сближение с людьми – отдалением от них. Так возникает основа для противопоставления (и сопоставления) двух миров, символизирующих правду и кривду. Конфликт имеет реальную, историческую основу; в «Думе про Опанаса» он персонифицирован: помимо четко выраженной драматической атмосферы гражданской войны, оказались друг перед другом Котовский и Махно, Коган и Опанас. Однако в поэме есть, условно говоря, вневременной контекст: коллизия в «Думе про Опанаса» представляется не только в ее конкретно-бытовом, социальном, но также в мифологическом выражении. Поединок Котовского с Махно, их отрядов есть своеобразное продолжение поединка Белого и Черного всадников, сил добра и зла. В судьбах людей принимают активное участие силы природы. Современность озвучена древними голосами. Все это серьезным образом расширяет смысл данного эпизода до содержания исторического действия, а биографии героев поднимает до летописного уровня. И в первую очередь «биографию» заглавного героя. Притом, что «снижение» его личностного статуса сохраняется. С не лучшей стороны его оттеняет жизнь и «славная кончина» Иосифа Когана. Сама природа сурово осуждает Опанаса за нарушенную древнюю заповедь: «И раскинутая в плясе / Голосит округа: / – Опанасе! Опанасе! / Катюга! Катюга! – / Верещит бездомный копец / Под облаком белым: / – С безоружным биться, хлопец, / Последнее дело! – / И равнина волком воет – / От Днестра до Буга, / Зверем, камнем и травой...» [1; 89]. Да и автор от своего имени не то предупреждает, не то откровенно судит героя: «Не гляди же, солнце злое, / Опанасу в очи: / Он грустит, как с перепоя, / Убивать не хочет...» [1; 89].

Однако об откровенных убийцах «думы» не пишут. Это особый жанр. В 1823 году А. А. Бестужев, автор статьи «Взгляд на старую и новую словесность в России», свидетельствовал: «Рылеев, сочинитель дум, или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков» [8; 175]. Относительно происхождения дум существуют разные мнения. В нашем случае важно иметь в виду то обстоятельство, что дума, как считал К. Ф. Рылеев, «старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изображение» [8; 182]. Научные обобщения последнего времени подтверждают справедливость высказанного Рылеевым суждения, уточняя, что дума есть «эпически-лирический жанр украинского словесно музыкального фольклора» и развивался он «в специфических условиях казацкой военной демократии 15–17 веков» [5; 816].

Э. Багрицкий как участник кровавой гражданской войны прошел долгими и трудными шляхами Украины многие километры. По тем же дорогам еще шли и пели слепые

бандуристы, озвучивая драматизм и трагизм современности на старинный лад. Поэтическое слово Багрицкого преломило в себе это единство элегической и героической интонации, генетически заложенное в «памяти» думы и сохранившееся в декламациях современных поэту певцов-кобзарей. Отметим также, что дума была ориентирована на важные национально-исторические темы. О том, что Багрицкий достаточно последовательно сохранял жанрово-смысловые возможности думы, свидетельствует даже такая деталь: изначально, как и в последующие столетия, в думе не было строф, она «делилась на смысловые единицы-периоды» [5; 816]; у Багрицкого наличествует даже эта особенность.

Конечно, «память жанра» распространяется на все составляющие форму и содержание «Думы про Опанаса», в том числе и на заглавного героя. Отмеченное «разрушение» личности останавливается на том рубеже, с которого еще очевиден трагизм судьбы Опанаса. Она (судьба) с сочувствием воспринимается поэтом, возникает даже некое родство душ между героем и повествователем («Опанасе, *наша* доля развеяна в поле!..» [1; 94]; обнаруживается явное сопереживание второго первому: «Ой, не гикнешь, ой не топнешь, / В ладоши не хлопнешь, / Пальцы дружные ослабли, / Не вытащат сабли. / Наступил последний вечер, / Покрыть тебе нечем! / Опанас, твоя дорога - / Не дальше порога. / Что ты видишь? Что ты слышишь? / Что знаешь? Чем дышишь?» [1; 97].

Становится очевидным, что и оппозиция комиссар Коган – Опанас далеко не абсолютна. Поведение одного и другого до их смерти во многом обусловлено характером сложившихся обстоятельств и одинаково малопривлекательно. Сатирический портрет «переодетого» Опанаса мы приводили. Не меньше смущают портрет и действия комиссара: «По оврагам и по скатам / Коган волком рыщет, / Залезает носом в хаты, / Которые чище! / Глянет влево, глянет вправо, / Засопит сердито: / «Выгребайте из канавы / Спрятанное жито!» / Ну, а кто подымет бучу – / Не шуми, братишка: / Усом в мусорную кучу, / Расстрелять – и крышка!» [1; 83].

Принято считать, что смерть Когана, названная поэтом «славной кончиной», есть высшая степень мужества. Но не меньше означает сделанный Опанасом на допросе у «штабного» выбор: «мужицкий сын» ценою собственной жизни утвердил свое духовное прозрение. Это поступок человека. Логично заключить, что таким философским, нравственно-этическим пафосом «Дума про Опанаса» Багрицкого близка «Анне Снегиной» Есенина. Речь идет о главном ориентире в эпоху социальных потрясений. В ней (поэме) все имеет место – от эпохальных идей, «возвышающего обмана» до бытовых пристрастий и «тьмы мелких истин». Но главной целью художника слова пока остается все же человек как таковой, с его тайными и безграничными возможностями, тот, которого нельзя свести только к бытовому, общественному или политическому статусу, ограничить интересами или

пристрастиями текущего дня. История собственно человека значительнее и перспективнее истории крестьянства, помещиков, социальных идей и т. д.

Еще раз позволим себе обобщить идейно-эстетический опыт С. Есенина и Э. Багрицкого, указав на близкую им мировоззренческую направленность названных ранее поэм М. Цветаевой, Б. Пастернака, Н. Асеева. Объективно вместе взятые они создали художественную традицию, которая «работала» в последующее 10-летие. Она такая же реальность для 30-х годов, как тот новый социум, который к данному времени в основном сложился и продолжал формироваться по заданному идеологическому и политическому вектору, то есть с преобладанием завышенного авторитета общественных форм бытия и общественного сознания и соответствующих им этики и эстетики.

Список литературы

1. Багрицкий Э. Г. Стихи и поэмы. – М.: Худ. литература, 1964. – 380 с.
2. Егорова Л.П., Чекалов П.К. История русской литературы XX века: учебное пособие Вып. 2. Советская классика. Новый взгляд. URL: http://teneta.rinet.ru/rus/ee/egorova-lp_chekalov-pk_historia_russkoi_literatury.html#as (дата обращения: 14.01.2015).
3. Есенин С. А. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Худ. литература, 1966-1968. (Ссылки на это издание даются с указанием тома и страницы.)
4. История русской советской поэзии 1917–1941 / Ред. коллегия: В. В. Бузник, В. А. Ковалев, В. В. Тимофеева. – Л.: Наука, 1983. – 416 с.
5. Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т.2. – 1056 стб.
6. Мандельштам О. Э. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Проза. – М.: Худ. лит., 1990. – 464с.
7. Наумов Е. И. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. – М.; Л.: Просвещ., 1965. – 280 с.
8. Фризман Л. Г. «Думы» Рылеева // Рылеев К. Ф. Думы. – М.: Наука, 1975. – 255 с.
9. Шубникова-Гусева Н.И. С.А. Есенин в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. – М.: Русское слово, 2003. URL: http://www.a4format.ru/pdf_files_bio2/478bcb99.pdf (дата обращения: 14.01.2015).

Рецензенты:

Коковина Н.З., д.фил.н., профессор кафедры литературы, ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», г. Курск;

Зубкова О.С., д.фил.н., профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», г. Курск.